

КОНЦЕПТ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ» В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ ФРАНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М. УЭЛЬБЕКА)

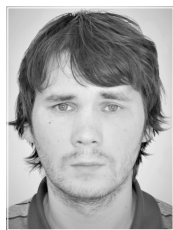
А.А. Королев

Королев Андрей Александрович – аспирант кафедры мировой культуры и литературы МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: king2204@yandex.ru

Королев А.А. 2020. Концепт «европейский дом» в культуре и искусстве Франции (на примере творчества М. Уэльбека). *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. № 1(13). С. 139–149. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-139-149>

Статья поступила в редакцию: 10.11.2019. Принята к публикации: 03.03.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Внимание к культурной составляющей той формы «метиссажа», существенные черты которого концептуализирует понятие «европейский дом», имеет развёрнутое воплощение в литературе современной Франции. Особый интерес представляет её рассмотрение сквозь призму культурологии, что позволяет проследить не только логико-понятийное, но и эмпирическое содержание данного понятия; выявить и описать противоречия между «общим» и «особенным» в жизни отдельных людей и целых народов в контексте процессов глобализации, евроинтеграции и технологической революции. Богатый материал для изучения этой темы даёт творчество известного французского писателя Мишеля Уэльбека. М. Уэльбек выделил ряд проблем, способствующих, по его мнению, ускоренному разложению уникальных европейских культур. Среди них – засилье евро – и национальной бюрократии, разрушение сложившегося культурного уклада и стандартизация образа жизни. Писатель также поднимает более общий вопрос о причинах деформации идентичности современного человека. По его мнению, они коренятся в утрате религиозных и нравственных ценностей, что влечёт за собой растерянность и слабость воли, переключая повседневное существование деморализованного индивида в область симулятивного потребления. Симуляция разрушает эмоциональность, лишая человека собственно человеческих чувств, мешает создать устойчивые отношения с другими людьми. Уэльбек описывает тектонические сдвиги культурного бытия Франции, преломленные в трагическом изменении самосознания европейца, дом которого – «везде» и «нигде».

Ключевые слова: «европейский дом», культурный ландшафт, культура единой Европы, М. Уэльбек, метиссаж, глобализация, культурная идентичность.

Для начала следует уточнить, какие именно процессы и явления подразумеваются под выражением «европейский дом», и почему анализ их образно-художественного выражения оказывается сегодня всё более актуальным. Прежде всего отметим, что концепт «европейского дома» концентрирует в себе, помимо прочего, весьма дискуссионные положения, болезненно переживаемые сегодня европейским обществом. Художественная литература в данной связи выступает посредником, способным поставить глубокий исследовательский вопрос [Бадью, 2014: 95-128] в предельно заострённой форме, обходя требования «политкорректности», нередко довольно жёстко ограничивающие современное научное сообщество, несмотря на явно выраженный запрос на практико-ориентированные (и тем самым нередко имеющие дело с конфликтными или потенциально конфликтными ситуациями) исследования [Шестопал, 2018: 214-224]. Здесь проявляется «обострённое чувство реализма» [Додельцев, 2014: 181], свойственное той «программе познавательной деятельности», которую выработала культура на определённый момент времени [Додельцев, 2010: 161] и которая стала частью той или иной «научной программы» в широком смысле слова, современная наука открыта поиску новых подходов. С этой точки зрения союз философии, науки и литературы как образно-художественного переживание и последующий анализ вопросов, болезненных для индивидуального и/или коллективного сознания, оказывается неожиданно плодотворным [Силантьева, 2015: 131], развиваясь в сторону так называемого «культурного поворота» в современном социальном и гуманитарном знании [Федотова, 2018: 143-156]. Уместный в данном случае метод культурологического анализа позволяет проследить актуальные подходы к оценке культурной динамики современной Европы на примере конкретных художественных произведений, отражающих поиски современным человеком смысла своего существования на фоне стремительных изменений глобального и локального масштаба.

Первое из ключевых изменения данного типа можно связать с «проблемой человека», его идентичности; **второе** – с парадигмой «культурного ландшафта».

Отметим: собственно *культурный метиссаж* во Франции – явление далеко не новое, страна была признанной мировой столицей культуры и искусства задолго до объединения политических и экономических границ в XX веке. «Экспорт» из Франции мастеров архитектуры, живописи, а также «экспорт идей» выдающихся мыслителей своего времени стал особенно интенсивным во времена эпохи Просвещения. «Галантный» XVIII век подарил Европе и миру не только образ «французского парка» по образцу Версаля и многочисленные живописные подражания Пуссену и Ватто. Именно из Франции Российская империя «получила» молодого архитектора итальянца Б. Растрелли, чей отец сначала состоял на службе у Людовика XIV, а затем был приглашён ко двору Екатерины II, поклонницы Вольтера и Д. Дидро. Французская Энциклопедия Дидро и его соратников породила институализацию самого феномена энциклопедии; также общеизвестно влияние теоретических воззрений Ж.-Ж. Руссо о специфике «общественного договора» и суверенитета, принадлежащего народу, на развитие «практической революционности» – сначала в Европе, а затем и во всём мире. Была и «встречная волна» – исход из Франции монархистов, нашедших приют в том числе и в России. Влияние французской эмиграции на культуру «принимающих» стран трудно переоценить – язык, поэзия и литература, вошли в культурное сознание образованной части русской аристократии, чья родина стала домом для французской эмиграции «постреволюционной волны». Гувернёры и преподаватели Пушкинского Лицея, общественно значимые фигуры и канувшие в небытие обыватели; добросовестные трудяги и авантюристы, искавшие лёгкой наживы в «дикой чужой стране» [Веденина, 2017], – все они оставили свой след, «вписав» с самосознание русской культуры мощный франкофильский импульс.

В XIX и XX вв. Франция остаётся «столицей культуры» для нескольких поколений

поэтов, музыкантов, художников и просто артистических натур. Здесь работают выдающиеся деятели культуры, чья притягательность связана не только с возможностями передачи мастерства, но прежде всего с той атмосферой, которая царила в сердце Франции – Париже. Удивительная «лёгкость», о чём в связи с этим городом не писал только ленивый, перекрывала отсутствие финансовых возможностей для решения бытовых проблем. Парижские улицы пишут русский художник К. Коровин и француз К. Моне; красоту заката над Сеной превозносят М. Волошин и Г. Аполлинер; «весёлый Париж» воспевают оперетты Ж. Оффенбаха и Ф. Легара. Выдающиеся немцы – Генрих Гейне, Райнер Мария Ремарк, Герман Гессе по-своему «изобретают Париж»¹.

Отдельно стоит упомянуть русскую эмиграцию – философов, писателей, поэтов, художников и артистов всех направлений, от драмы до балета. Не только философы русского серебряного века, в том числе Николай Бердяев, свободно владевший французским языком – и обращавшийся при этом к услугам переводчика для подготовки французских изданий своих философских сочинений; но и писавший по-французски «русско-французский неогегельянец» (как именуют его справочники) Александр Кожев, ставший во второй трети XX века «мостом» между французской и немецкой философией², – перечислять русских обитателей «французского дома» можно очень долго.

На протяжении XIX и XX веков Франция оказалась духовно-интеллектуальным «домом» и для латиноамериканской творческой элиты [Дарио, 2017; Гладошук, 2017; Гладошук, 2016]. Основатели «креольского движения» во французской литературе 1970-х годов – поэт Рафаэль Конфьян и романист Патрик Шамуазо с

Мартиники – также неотделимы от культуры «большой» Франции [Picanço, 2000; Levesque, 2004]. Тогда же, в 1970-е годы потрясла мир своими жанровыми песнями на кабо-вердинском креольском Сезария Эвора, жительница Кабо-Верде, которая нашла признание благодаря французскому продюсеру Жозе де Силве, её слава началась именно во Франции, в Париже.

В наши дни Франция стала родиной, домом в буквальном смысле, не только для «сантехников», обобщающих в романах Уэльбека образ «массового человека», но и для множества творческих людей, чьи этнические корни простираются значительно шире Европы и чьё призвание лежит в самых разных областях. Здесь живут и находят себя авторы и исполнители популярной музыки, артисты, кинорежиссёры, поэты и романисты, представляющих разные страны и народы. Современный Париж представляют певица Индила (Адила Седрая), чьи корни включают в себя индийскую, камбоджийскую, алжирскую, египетскую и русскую составляющие; арабский поэт Адонис (ли Ахмад Саид Асбар); выдающийся иранский кинорежиссёр Аббас Киаростами (скончался в Париже в 2016 году). С парижским «духом свободы» и иронии тесно связана творческая судьба венесуэльской художницы, кинорежиссёра, сценариста и продюсера Марианы Рондон³, как и творчество французского писателя Мишеля Уэльбека (настоящее имя – Мишель Тома), родившегося на острове Реюньон, владении Франции в Индийском океане, затем воспитывавшегося у родственников со стороны матери в Алжире. Только в шесть лет Уэльбек попал во Францию, откуда в 1990-х перебрался – сначала в Ирландию, а потом в Испанию. Основанием для переезда стала пресловутая «исламофобия» Уэльбека, описавшего Францию сквозь призму миграции в своём

¹ Володина Э. 2018. Немецкие изобретатели Парижа *DeutscheWelle (DW)*. 25.06. URL: <https://www.dw.com/ru/немецкие-изобретатели-парижа/a-44223565> (дата обращения: 23.03.2020).

² Эспань М. Иностранцы в Париже и культурный обмен. Пер. И. Левиной. *Arzamas.academy*. URL: <https://arzamas.academy/materials/809> (дата обращения: 23.03.2020).

³ Кирилл Разлогов о фильме «Непослушные волосы». *Телеканал «Россия-Культура»*. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20904/episode_id/1149936/video_id/1112120/viewtype/picture/ (дата обращения: 23.03.2020).

романе «Покорность»⁴.

Глубочайшая связь эстетики и политики стала предметом размышлений Уэльбека в таких произведениях, как принесший Гонкуровскую премию роман-пассиш [Шейпак, 2012] «Карта и территория» (2010); роман «Элементарные частицы» (1998), или «камерный роман» «Серотонин» (2019), но и произведений, созданных в жанре «политической фантастики» – его нашумевшего бестселлера «Покорность» (2015). При этом концептуализация идеи «европейского дома» – не очевидная, но вполне допустимая интерпретация отдельных мыслей, высказанных Уэльбеком в художественно-образной форме.

Так, в романе «**Элементарные частицы**» он неоднократно говорит о «метафизических мутациях» – «то есть радикальных, глобальных изменениях картины мира у подавляющего большинства». Описывая последовательную деградацию христианских идеалов и практик в сознании среднестатистического образованного француза, Уэльбек отмечает, что подобные «метафизические мутации» – явление редкое; но, возникнув, они продолжают, пока не исчерпают весь свой потенциал. «При этом без малейшей оглядки сметаются экономические и политические системы, эстетические каноны, социальные иерархии. Никакая человеческая сила не остановит ее – такой силой может стать лишь новая метафизическая мутация» [Уэльбек, 2001: 5-6]. Став «полем для борьбы самолюбований» [Уэльбек, 2001: 51], буржуазное общество, с его глобальной экономикой и ожесточённой конкуренцией вступило в «цивилизацию развлечений» [Уэльбек, 2001: 55]. И хотя слабый «культурный фон» у этих процессов ещё остаётся, европейский метанарратив (или, выражаясь словами Уэльбека, «христианская антропология») подошёл к своему концу. Экстремумы этого конца, по мнению писателя, демонстрирует обвал ценности человеческой жизни, закреплённый в европейском праве: на заре жизни это

аборт, на закате – эвтаназия. Секс, отделенный от функции размножения, превратился в принцип самоутверждения, скорее похожий на страсть к обогащению, чем на стремление (пусть даже вожделеющее) к другому человеку.

При этом «метафизическая мутация, породившая материализм и современную науку, имела два великих условия – рационализм и индивидуализм» [Уэльбек, 2001: 131], соединившие «ненависть и желание». Житель благополучной Европы больше не способен испытывать удовольствие. Он испытывает желание, влекущее к страданию, которое буквально «пожирает человеческую жизнь». В духе неомарксизма и неофрейдизма Уэльбек проецирует экономические категории на физиологические истоки психических процессов: управляемое падение нормы прибыли коррелирует с управляемым падением нормы удовольствия [Уэльбек, 2001: 198], вызывая безумный никогда не насыщаемый голод – самодостаточную жажду удовольствия. Отдельность человеческого существования в этих условиях не может оформиться в *лицо*, индивидуализм подрывает саму «возможность человеческих отношений» – однако «только онтология сообщества способна возродить на практике возможность человеческих отношений» [Уэльбек, 2001: 242]. Коль скоро наука [Уэльбек, 2001: 132] и повседневный опыт, сводящийся к повторяющимся рутинным восприятиям, вытесняют религиозные ценности и подрывают основы всех традиционных религий, со временем становится очевидным, что европейскому обществу больше нет нужды в метафизике: «разве потребность в онтологии не была детской болезнью человечества?» [Уэльбек, 2001: 243]. Но ведь никакое общество не может «жить без религии», поэтому героям «Элементарных частиц», Брюно и Мишелю, постоянно приходится ходить по кругу, отчаянно пытаясь обрести утраченное. Это движение часто приводит их в опустелые дома их родителей, друзей и

⁴ Моторина Т. 2015. Ислам как неизбежность. *Lenta.ru*. 25.01.2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/01/23/frislam/> (дата обращения: 23.03.2020).

возлюбленных; рождает желание убивать – себя и других, потому что «фундаментальная мутация» *одинаковости* [Уэльбек, 2001: 253] не оставила смысла ни своему, ни чужому дому. Дом, переживаемый в европейских языках как «освоенное пространство» [Шляков, 2014: 220] остаётся только воспоминанием, контуры которого постепенно утрачиваются сознанием. Но это опустевшее в душе «место» не перестаёт болеть, заставляя искать несуществующую полноту бытия, обретая всё новые и новые её суррогаты.

Особенно заметны эти метания в жизненной траектории героя романа Уэльбека «**Серотонин**», сделавшего замечательную карьеру высокооплачиваемого консультанта министерства сельского хозяйства Франции. Евро-унификация за короткие по историческим меркам сроки лет привела Францию к стандартизации и упрощению многих изначально сложных культурных практик, определявших не только ценностное самосознание европейцев в каждой «квартире» их общего дома, но и атмосферу свободы, некогда провозглашённой в качестве главной ценности этого дома. Сельское хозяйство, работа с «почвой», как нельзя лучше раскрывает суть этих изменений. Так, общеевропейские стандарты качества сельскохозяйственной продукции⁵, приведённые в соответствие с принципом единства, не только сделали невыгодным производство качественных вин, но и поставили Францию перед необходимостью конкурировать с дешёвым массовым производством США и Китая. Фермеры-одиночки, понятно, такую конкуренция не выдерживают. Уходят сельскохозяйственные традиции, а за ними – практики повседневности. Символом этих печальных процессов становятся «абрикосы Руссильона» [Уэльбек,

2020: 24] и нормандские сыры [Уэльбек, 2020: 101]. И хотя международные стандарты качества являются высокими и, по выражению аналитиков, «носят достаточно универсальный характер» [Бонюшко, 2009: 365], разница между нормами штучного производства и требованиями единого регламента нередко оказывается весьма чувствительной для французских производителей, тех, кто «хотел работать по старинке» [Уэльбек, 2020: 200] именно в силу *неотменимости без потерь* своей *культурно-исторической* составляющей. «Конец истории» Европы маячит призраками Древней Греции и Рима [Уэльбек, 2020: 100], проступающими сквозь описание бессмысленного разврата и отчаянно-го одиночества героев «Серотонина».

Возникает вопрос: быть может, виноваты китайцы? японцы? Или, быть может, американцы с их навязыванием глобальной экономики, пропитавшей жаргонными англицизмами даже священную для французов сферу их родного французского языка [Уэльбек, 2020: 101-102]? Очевидно, не всё так просто. Не случайно «европейский дом» трактуется в романе Уэльбека «**Покорность**»⁶ как неспособный «сохранить свои ценности, традиции, культуру»⁷. На фоне культурно-политической разрухи, где остриём выступает совсем не тема якобы захвата мигрантами чужого культурного пространства (напомним, сам Уэльбек в силу деталей его биографии только с очень большой натяжкой может быть противопоставлен «понаехавшим»), но тема «усталости» культуры и её неготовности противостоять варваризации через массовизацию (неважно, с каким цветом волос или разрезом глаз приходит «массовый человек»; неважно, где он родился и где учился, – это важно только для немассового человека) реальным противо-

⁵ Стандарты качества сельскохозяйственных продуктов. Сельскохозяйственное право Европейского союза. *Studme.org*. URL: https://studme.org/188056/pravo/standarty_kachestva_selskohozyaystvennyh_produktov (дата обращения: 23.03.2020).

⁶ Здесь обыгрывается покорность Европы перед своим концом – переходом под доминирование мусульман («мусульманин» – от араб. *ألمسلم* — муслим, «покорный (Богу)»).

⁷ Моторина Т. 2015. Ислам как неизбежность. *Lenta.ru*. 25.01. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/01/23/frislam/> (дата обращения: 23.03.2020).

ядием от отчаяния остаётся только литература. Литература, которая согласно Уэльбеку, – «одно из главных искусств западной цивилизации», потому что способна пробудить «в нас чувство близости с другим человеческим разумом в его полном объеме, с его слабостями и величием, ограниченностью, суётностью, навязчивыми идеями и верованиями; со всем, что тревожит, интересует, будоражит и отвращает его» [Уэльбек, 2015: 7].

Тему утраты жильцами «европейского дома» своей идентичности, которая не может быть массовой и глобальной, но всегда региональна (со всеми достоинствами и издержками такого дробления), продолжает семантика «культурного ландшафта», раскрытая в сочинениях Уэльбека с поразительной силой. Напомним: проблематика «культурного ландшафта» связана с осмыслением территории не только в качестве географической реальности, но в качестве культурного пространства, то есть пространства, освоенного человеком. При этом теория культурного ландшафта, созданная в первой половине XX века немецким географом Отто Шлютером и получившая развитие в «культурной географии» американского учёного К.О. Зауэра [Carl Sauer on Culture and Landscape], оставаясь дискуссионной, выражает очевидный факт наличия антропогенного воздействия на Землю. Интересно, что российская версия «гуманитарной географии» как «географии человека» и «моделирования географических образов» [Замятин, 1999] оказалась в прямой зависимости от «общей семантики» Альфреда Коржибски (1979 – 1950) – польско-американского исследователя, впервые использовавшего выражение «карта не есть территория» (напомним: «Карта и территория» – так называется роман М. Уэльбека, изданный в 2010 году и касающийся, помимо прочего, темы трудовой миграции в Европу).

Напомним: вопрос о соотношении карты и территории, поставленный Коржибски, – это вопрос о репрезентации реального объекта в сознании. В отличие от кантовского трансцендентализма с его разделением на феномены сознания и «но-

уменальный мир» представляемых в сознании сущностей, ключевым в общей семантике является тема принципиального различия между означаемым и означающим (от древнегреческого σηματικός — означающий). Карта с этой точки зрения – метафора территории, структура которой может как совпадать, так и отличаться от структуры территории [Korzybski, 1990]. То есть абстракция («карта») всегда принадлежит «другому миру», «по определению» не совпадающему с миром вещей («территория»); описание онтологически не совпадает с тем, что описывается. Для Коржибски на первый план выступает таким образом «оценочная реакция», связанная с разделением объекта и абстракции и влияющая не только на сознание, но и на поведение субъекта.

Осознанность абстрагирования, рассмотренного, прежде всего, как лингвистический феномен, – одна из приоритетных задач, которую ставит перед собой общая семантика. Отсюда идёт её интерес к выявлению *разницы* в способах означивания мира. Которые, если следовать призыву «culturalturn», невозможно отделить не только от языка, но и от культуры.

Последняя тема как раз и занимает М. Уэльбека. Его произведения, та же «Карта и территория», не претендуют на строгость научной терминологии. Вместе с тем, именно в «Карте и территории» он фокусирует внимание читателя на предельных вопросах *различия* и одновременно неизбежности *взаимодействия* представителей различных культур. Художник Джед оказывается 24 декабря, накануне Рождества, один на один с испортившимся водонагревателем. Фирма-монополист «Сантехник для всех», реклама которой сообщает клиентам, что ««Сантехник для всех вошел в третье тысячелетие с гордо поднятой головой», никак не реагирует на телефонные звонки отчаявшегося Джеда: не только комфорт благополучие, но даже элементарное выживание в джунглях мегаполиса не входит в интересы энергичных предпринимателей, создавших не только в сознании, но и в реальности образ «массового человека», которому абсолютно безразличны другие люди. Этот

«массовый человек» скрывается в символе «европейский сантехник», высвечивая разные грани символизации и указывая – то на географическую, то на аксиологическую, то на экзистенциальную принадлежность.

Джед величает «Сантехника для всех» не иначе, как эпитетом «злополучный»: ни яркие «лейблы» престижного потребления, ни высокий уровень жизни «престижных» стран Западной Европы не могут решить самой простой человеческой проблемы – тепла. Тепло от водонагревателя становится в этом случае метафорой, обыгранной за счёт включения в фабулу повествования такого действующего лица, как «хорватский водопроводчик». Так предметом художественного переосмысления в романе становится медийный образ «сантехника из Восточной Европы», который продвигала французская пресса времён расширения евроинтеграции в качестве символа роста благосостояния французов, призывая их не бояться трудовой миграции. И в самом деле, Джед неожиданно для себя чувствует, что этот чужак его буквально «спасает», хотя Джед и не может (да и не хочет) быть обязанным ему больше, чем заплатив пятьдесят евро «без квитанции» (напомним: борьба с коррупцией – одна из постоянных тем, поднимаемых западными политиками в связи с проблемой демократизации «отсталых» стран):

«Хорват закончил работу и положил в карман причитающиеся ему пятьдесят евро. Он не предложил Джеду выписать счет, да тот на это и не рассчитывал. Не успел он выйти, как снова забарабанил в дверь. Джед высунулся узнать, в чем дело.

– Кстати, месье, – сказал хорват. – Поздравляю вас с Рождеством. Я только хотел поздравить вас с Рождеством.

– Ну да, – смущенно отозвался Джед. – Вас также» [Уэльбек, 2011: 15-16].

Таким образом граница взаимного непонимания, неготовности и неумения выразить свои чувства, в том числе – чувство благодарности, – смещается из области абстрактного морализаторства в сферу реального поведения Джеда. Будучи творческим человеком, он способен создавать «продукты» творческого труда, однако

главное поле творчества – поступок как *существование*, меняющее мир, – остаётся для него чем-то невозможным.

Оценка своего жизненного опыта, которую производит через свою внутреннюю речь Джед, по существу совпадает с задачей общей семантики, хотя, будем честны, в романе общая семантика ни разу не упомянута. Ироническое отношение героя Уэльбека к «общему европейскому дому», в котором царят сантехники разной степени очеловеченности, не отменяет тот факт, что этот дом уже существует, нравится это или нет кому-то из его жильцов. Условная культурная маргинальность хорошо образованного представителя творческой профессии, живущего в Париже, ложится на чашу весов и уравновешивается социальной маргинальностью «хорватского водопроводчика»; культурное разнообразие в «общей Европе» стирается – не за счёт «прихода чужаков», но прежде всего за счёт тотальной невозможности человека выйти из своего эмпирического существования. Глубокий экзистенциальный голод героев М. Уэльбека – наглядное тому подтверждение: «пещера», в которой пребывает человечество, не может преобразиться в «райский сад» только потому, что сомнительный рост благосостояния французов (или хотя бы возможность немного остановить разложение социальности в рамках ранееработанной культурной модели) может быть решён за счёт привлечения дешёвой рабочей силы из Восточной Европы. Относительный порядок в «европейском доме» не достигим репрессивными мерами евро- или национальной бюрократии. Ни неоимперские усилия со стороны первой, ни вялое сопротивление и со стороны второй не могут стать питательной средой для поддержания культуры как способа существования Европы в духовном, а не организационном смысле этого понятия; обеспечить существование дома, – а не здания. Намёк на уют становится следствием точечных и в целом спонтанных интеракций единичных субъектов, утративших свои корни и оказавшихся один на один с «бездной» бытия.

Завершая культурологический анализ

тезисов М. Уэльбека, который в образно-художественной форме раскрывает своеобразие концепта «европейский дом», стоит подчеркнуть: те выводы, которые писатель сделал относительно предмета своих экзистенциальных поисков, невозможно свести только к выделению и описанию ключевых противоречий современной культуры на материале жизни Франции и французов. Помимо этого *эмпирического* содержания в сочинениях романиста отчетливо просматривается установка исповедуемого им неомарксизма, стремящегося не только объяснить, но и изменить мир. Здесь уместно обратиться к идеям ещё одного неомарксиста – **Алена Бадью**, француза, также родившегося вне пределов Франции, в Марокко, философа, составившего сегодня гордость французской культуры. Речь идёт об инэстетике Бадью, провозгласившей «мирный договор между искусством и философией». Философ обосновывает тезис, согласно которому искусство – то, что «забыли посчитать»; то, что не вошло в «бесконечную» энциклопедию Империи. Задача искусства, его «родовая процедура» – дать этим упущенным элементам *видимость*⁸. Таким образом происходит концептуализация нового понимания дома – это не просто пространство приватности, но такое место, в котором состоялись творческие усилия субъекта, создающего мир человека как мир культуры.

Европа предстаёт сквозь призму образно-художественных исканий Уэльбека не только как реальность тех или иных практик повседневности, но одновременно как 1) культура, само существование которой требует постоянного экзистенциального усилия, «строительства» дома, не гарантированного от неудач и провалов; 2) воображённое целое симуляции, постепенно вытесняющего саму идею культуры и подменяющего её идеей новой мультикультурной империи, переживающей ценностный поворот на безусловный приоритет потребления материальных благ со всеми вытекающими отсюда по-

следствиями, – на фоне исканий и личных переживаний одиночек, отражённых в их профессиональных траекториях, бытовых предпочтениях и трагизме личной судьбы. В последнем случае построенный некогда дом подвергается косметическому ремонту, неспособному скрыть неостановимое ветшание. В первом случае речь идёт о творчестве, во втором – о внешне похожей на него симуляции. При этом творчество отличается от симуляции *качественно*, а не количественно: место обитания человека зависит от самого человека, его способности героически преодолеть навязанные симулятивные формы существования. Такое преодоление выходит за границы объективированного жизненного «трека», настойчиво напоминая «герою нашего времени» о том, что он – «гражданин двух миров». В этой связи не вызывает удивления тот факт, что героям Уэльбека парадоксальным образом «нет места» в современном «продвинутом» мире, хотя они, вроде бы, вполне состоялись в образовании и карьере, имеют впечатляющий материальный достаток и привлекательную внешность. Литература *даёт место* их поискам, не обнуляя, но и не ставя во главу угла материальные достижения единой Европы. Её политическое пространство оказывается при таком подходе не тождественным ни культурному пространству, ни системе ценностей, групповых и индивидуальных. А социокультурное пространство оказывается «зажатым» между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, «давлением» политической и социальной конъюнктуры; а с другой – «напором» развитой системы духовно-символических приоритетов. Возможность соединить эти противоречия требует, по мнению Уэльбека, высокого уровня личностной зрелости и осознанной духовной и социальной солидарности. Уэльбек не даёт рецепта «спасения» из этой экзистенциальной апории. Однако ответственно и честно ставит диагноз «духовной ситуации времени».

⁸ Бадью А. 2004. Тезисы о современном искусстве. GiF.Ru. Информационное агентство «Культура». URL: <http://www.gif.ru/themes/culture/chtodelat/badieu/> (дата обращения: 23.03.2020).

«EUROPEAN HOME» CONCEPT SEEN IN FRENCH ART AND CULTURE (ON THE EXAMPLE OF M. HOUELLEBECQ'S WORK)

A.A. Korolev

Andrey A. Korolev – PhD student, Department of World Literature and Culture, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: king2204@yandex.ru

Korolev A.A. 2020. «European Home» Concept Seen in French Art and Culture (on the Example of M. Houellebecq's Work). *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. № 1(13). P. 139–149.
<https://doi.org/0.24833/2541-8831-2020-1-13-139-149>

Received: 10.11.2019. Accepted: 03.03.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstracts. *The literature of modern France vividly expresses the cultural element of the form of «métissage» the essential features of which are today conceptualized by the concept of «European home». Undoubtedly, its examination through the lens of cultural studies allows the tracing of not only the logical-conceptual but also the empirical content of the concept is of particular interest. In addition, our huge interest lies within the identification and the description of the contradictions between «general» and «special» in the private lives of individuals as well as in that of entire nations in the context of globalization, European integration, and technological revolution. The work of the famous French writer Michel Houellebecq provides rich material for the study of the above topic. In his books, M. Houellebecq identified several problems that, according to him, contribute to the accelerating decomposition of unique European cultures. Among them, one can distinguish the dominance of the European and national bureaucracies, the destruction of the historically established cultural and casual lifestyle, and their standardization. The writer also raises a more general issue about the causes of the modern man's distorted identity. In his opinion, these problems basically originate from the loss of religious and moral values, leading to confusion and weakness of will, turning the daily existence of a demoralized individual to a routine of simulated consumption. Inevitably, such simulation destroys emotionality, depriving a person of proper human feelings, and prevents them from creating stable relationships with other people. Houellebecq describes the tectonic shifts in the cultural life of France along with the perception of a tragic change in the identity of the European people, whose home is «everywhere» and «nowhere».*

Keywords: «European home», cultural landscape, united Europe's culture, M. Houellebecq, métissage, globalization, cultural identity.

References:

- Korzybski A. 1990. *Collected Writings, 1920-1950*. Collected and Arranged by M. Kendig. New York: Institute of General Semantics. 915 p.
- Carl Sauer on Culture and Landscape: *Readings and Commentaries*. 2009. Ed. by William M. Denevan and Kent Mathewson. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press. 458 p.
- Levesque K. 2004. *La créolité: entre tradition d'oralité créole et tradition littéraire française*. Cap-Saint-Ignace, Québec: Éditions Nota bene. 191 p. (In French).
- Picanço L.C. 2000. *Vers un concept de littérature nationale martiniquaise: évolution de la littérature martiniquaise au XXème siècle: une étude sur l'œuvre d'Aimé Césaire, Edouard Glissant, Patrick Chamoiseau et Raphaël Confiant*. New York: P. Lang. 131 p. (In French).

Badiou A. 1998. *Petit manuel d'inesshétique*. Paris: Seuil. 224 p. (In French) («L'ordre philosophique»). (Russ.ed.: Badiou A. *Maloe rukovodstvo po inestetike*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 156 p.).

Boniushko N.A., Tumanov K.M. 2009. Mezhdunarodnye standarty ISO kak osnova obespecheniia kachestva i konkurentosposobnosti produktii i uslug predpriiatiia [International ISO standards as the basis for ensuring the quality and competitiveness of products and services of an enterprise]. *Nauchno-tekhicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*. 1 (71). P. 361-365 (In Russian).

Dario R. 2017. Inostrannye pisateli v Parizhe. Transl. T. Balashova [Foreign Writers in Paris]. *Literatura dvukh Amerik*. № 2. P. 215-222 (In Russian).

Dodel'tsev R.F. 2010. *Vvedenie v nauku o nauke. V 3-kh chastiakh. Ch. 2. Vselennaia, zhizn', kul'tura* [Introduction to the Science of Science. In 3 parts. Part 2. The Universe, Life, Culture]. Moscow: MGIMO- Universitet. 127 p. (In Russian).

Dodel'tsev R.F. 2014. *Vvedenie v nauku o nauke: filosofiia, psikhologiiia i sotsiologiiia poznaniia. V 3-kh chastiakh. Ch. 3. Kul'tura, poznanie, lichnost'* [Introduction to the Science of Science: Philosophy, Psychology and Sociology of Cognition. In 3 parts. Part 3. Culture, Knowledge, Personality]. Moscow: MGIMO- Universitet. 208 p. (In Russian).

Fedotova V.G., Fedotova N.N., Chugrov S.V. 2018. Kul'tura, instituty, politika [Culture, institutions, politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. № 1. P. 143-156 (In Russian).

Gladoshchuk A.V. 2017. Demon analogii: Oktavio Pas, Ruben Dario i ispanoamerikanskii modernizm mezhdu Amerikoi i Frantsiei [Demon of Analogy: Octavio Paz, Rubén Darío and Spanish-American Modernism between America and France]. *Literatura dvukh Amerik*. № 2. P. 186-195 DOI 10.22455/2541-7894-2017-2-186-195 (In Russian).

Gladoshchuk A.V. 2016. «Iavlenie i iavlennoe»: Oktavio Pas v dialoge s Sharlem Bodlerom [«Presence and Present»: Octavio Paz in dialogue with Charles Baudelaire]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 9. Filologiiia*. № 5. P. 164-173 (In Russian).

Houellebecq M. 2010. *La Carte et le Territoire*. Flammarion. 496 p. (In French) (Russ.ed.: Houellebecq M. 2011. *Karta i territoriia*. Transl. M. Zonina. Moscow: Astrel'; CORPUS. 480 p.).

Houellebecq M. 2015. *Soumission*. Flammarion. 304 p. (In French) (Russ.ed.: Houellebecq M. 2016. *Pokornost'*. Transl. M. Zonina. Moscow: Astrel'; CORPUS. 352 p.).

Houellebecq M. 2019. *Sérotonine*. Flammarion. 352 p. (In French) (Russ.ed.: Houellebecq M. 2020. *Serotonin*. Transl. M. Zonina. Moscow: Astrel'; CORPUS. 320 p.).

Houellebecq M. 1998. *Les Particules élémentaires*. Flammarion. 396 p. (In French) (Russ.ed.: Houellebecq M. 2001. *Élementarnye chastitsy*. Moscow: Inostranka. 415 p.).

Sheipak S.A. 2012. «Karta i territoriia» – roman-pastish Mishelia Uël'beka [«Map and Territory» – pastiche-novel by Michel Houellebecq]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3 (14). P. 109-114 (In Russian).

Shestopal A.V., Konnov V.I. 2018. Kul'tura, nauka, diplomatiia: perspektivy praktiko-orientirovannogo podkhoda [Culture, science, diplomacy: prospects of culture-centric research]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. 3 (54). P. 214-224 DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.13 (In Russian).

Shliakov A.V. 2014. Narrativ doma v prostranstve kul'tury osedlosti i nomadnosti [Narrative of the home in the culture of sedentism and nomadism]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 2. 2 (58). P. 219-222 (In Russian).

Silant'eva M.V., Kapilupi S.M. 2015. Ékzistentsial'nyi realizm v literature, filosofii i kul'ture XIX – nachala XX vv.: retsepsiia traditsii (A. Manzoni, F.M. Dostoevskii i N.A. Berdiaev) [Existential realism in literature, philosophy and culture of the 19th – early 20th centuries: reception of tradition (A. Manzoni, F.M. Dostoevsky and N.A. Berdiaev)]. *Ricerche slavistiche*. 13 (59). P. 129-152 (In Russian).

Vedenina L.G. 2017. Frantsiia i Rossiia: transkul'turnoe i mezh"iazykovoe vzaimodeistvie (XI – XXI vv.) [France and Russia: Intercultural and Interlingual Mutual Influence (XI-XXI Centuries)]. *Kontsept: filosofiia, religiia, kul'tura*. № 3. P. 65-74 (In Russian).

Zamiatin D.N. 1999. *Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoi geografii* [Modeling of Geographical Images: The Space of Humanitarian Geography]. Smolensk: Oikumena. 256 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Бадью А. 2014. *Малое руководство по инэстетике*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 156 с.
- Бонюшко Н.А., Туманов К.М. 2009. Международные стандарты ИСО как основа обеспечения качества и конкурентоспособности продукции и услуг предприятия. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 1 (71). С. 361-365.
- Веденина Л.Г. 2017. Франция и Россия: транскультурное и межкультурное взаимодействие (XI – XXI вв.). *Концепт: философия, религия, культура*. № 3. С. 65-74.
- Глаголюк А.В. 2017. Демон аналогии: Октавио Пас, Рубен Дарио и испаноамериканский модернизм между Америкой и Францией. *Литература двух Америк*. № 2. С. 186-195 DOI 10.22455/2541-7894-2017-2-186-195.
- Глаголюк А.В. 2016. «Явление и явленное»: Октавио Пас в диалоге с Шарлем Бодлером. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. № 5. С. 164-173.
- Дарио Р. 2017. Иностранные писатели в Париже. Пер. с исп. Т.В. Балашовой. *Литература двух Америк*. № 2. С. 215-222.
- Додельцев Р.Ф. 2010. *Введение в науку о наук. В 3-х частях. Ч.2. Вселенная, жизнь, культура*. Москва: МГИМО-Университет. 127 с.
- Додельцев Р.Ф. 2014. *Введение в науку о науке: философия, психология и социология познания. В 3-х частях. Ч. 3. Культура, познание, личность*. Москва: МГИМО-Университет. 208 с.
- Замятин Д.Н. 1999. *Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии*. Смоленск: Ойкумена. 256 с.
- Силантьева М.В., Капилюпи С.М. 2015. Экзистенциальный реализм в литературе, философии и культуре XIX – начала XX вв.: рецепция традиции (А. Мандзони, Ф.М. Достоевский и Н.А. Бердяев). *Ricercheslavistiche*. 13 (59). С. 129-152.
- Уэльбек М. 2001. *Элементарные частицы*. Москва: Иностранка. 415 с.
- Уэльбек М. 2011. *Карта и территория*. Пер. с фр. М. Зониной. Москва: Астрель; CORPUS. 480 с.
- Уэльбек М. 2016. *Покорность*. Пер. с фр. М. Зониной. Москва: Астрель; CORPUS. 352 с.
- Уэльбек М. 2020. *Серотонин*. Пер. с фр. М. Зониной. Москва: Астрель; CORPUS. 320 с.
- Федотова В.Г., Федотова Н.Н., Чугров С.В. 2018. Культура, институты, политика. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 143-156. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.10.
- Шейпак С.А. 2012. «Карта и территория» – роман-пастиш Мишеля Уэльбека. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 3 (14). С. 109-114.
- Шестопа А.В., Коннов В.И. 2018. Культура, наука, дипломатия: перспективы практико-ориентированного подхода. *Международные процессы*. Т. 16. 3 (54). С. 214-224. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.13.
- Шляков А.В. 2014. Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Т.2. 2 (58). С. 219-222.